

Шкоркина Юлия Сергеевна, Студент,
Оренбургский государственный университет

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В представленной статье осуществляется комплексный теоретико-правовой анализ института примирительных процедур в гражданском судопроизводстве Российской Федерации. Рассматриваются исторические и правовые предпосылки развития альтернативных способов урегулирования споров с акцентом на процедуры медиации и судебного примирения. Исследуются ключевые проблемы правового и практического характера, препятствующие широкому внедрению примирительных механизмов в гражданский оборот. Проводится сравнительный анализ зарубежного опыта. Формулируются предложения по совершенствованию гражданского процессуального законодательства и смежных нормативных правовых актов в целях популяризации культуры компромисса и процессуальной экономии.

Ключевые слова: Гражданский процесс, примирительные процедуры, медиация.

В современной правовой реальности судебная система Российской Федерации испытывает беспрецедентную по своим масштабам нагрузку, которая демонстрирует устойчивую тенденцию к ежегодному увеличению. Динамика роста поступающих обращений детерминирует угрозу снижения качества отправления правосудия и нарушения разумных сроков судебного разбирательства. Согласно статистическим данным, в 2021 году судами первой инстанции было рассмотрено свыше 23 миллионов гражданских дел [11, с. 153], а по итогам 2022 года общий массив рассмотренных дел превысил отметку в 40 миллионов [9, с. 382]. Механическое увеличение штатной численности судейского корпуса представляется экстенсивным и экономически неэффективным путем решения проблемы. Очевидной становится необходимость качественной трансформации правоприменительной парадигмы с переносом акцента на активное внедрение и использование примирительных процедур. Законодательные шаги в данном направлении предпринимаются непрерывно: принят специальный акт о медиации, введен институт судебного примирения, скорректировано процессуальное законодательство. Однако эффективность применения данных институтов на практике остается критически низкой, что обуславливает актуальность глубокого научного исследования существующих барьеров и путей их преодоления.

Институционализация примирительных процедур в российской правовой системе прошла несколько этапов, ознаменованных принятием концептуально значимых нормативных актов. Базовой вехой стало принятие в 2010 году Федерального закона № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [3]. Указанный закон заложил фундамент для развития внесудебного и досудебного урегулирования правовых конфликтов на основе принципов добровольности, конфиденциальности и нейтральности медиатора. Вторым значимым этапом стала масштабная процессуальная реформа, инициированная принятием Федерального закона от 28 ноября 2018 года № 451-ФЗ [4], а также последующие изменения 2019 года, благодаря которым в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – ГПК РФ) появилась самостоятельная глава 14.1, детально регламентирующая примирительные процедуры [2].

Согласно статье 153.3 ГПК РФ, к числу примирительных процедур отнесены переговоры, посредничество (включая медиацию), судебное примирение и иные процедуры,

не противоречащие федеральному законодательству. Законодатель установил широкие временные рамки для достижения компромисса: примирение сторон допускается на любой стадии гражданского процесса, а также на этапе принудительного исполнения судебного акта. Важной новеллой стало закрепление за судом активной обязанности по содействию примирению сторон. В силу предписаний статей 131 и 132 ГПК РФ истец обязан указывать в исковом заявлении сведения о предпринятых действиях, направленных на примирение, а суд, в свою очередь, на стадии подготовки дела к судебному разбирательству обязан разъяснять сторонам преимущества урегулирования спора мирным путем (статья 148 ГПК РФ). Тем не менее, несмотря на создание достаточно разветвленной законодательной базы, правовые формы примирения так и не стали органичной частью российской процессуальной действительности.

Анализ судебной статистики наглядно иллюстрирует, что институт медиации за более чем десятилетний период своего существования не смог стать востребованным механизмом разрешения конфликтов. В судах общей юрисдикции медиация применяется при рассмотрении менее 0,01% дел, а в системе арбитражных судов этот показатель составляет около 0,002% [11, с. 153]. Данный феномен невозможно объяснить исключительно недостаточным информированием граждан; корни проблемы лежат в плоскости психологии, экономики и юридической техники.

Во-первых, ключевым препятствием выступает социокультурный и психологический фактор. Российская правовая культура исторически тяготеет к патерналистской модели разрешения споров, где императивное властное решение суда воспринимается как единственный легитимный и справедливый итог конфликта. Стороны, вступая в судебный процесс, изначально занимают антагонистические позиции и, как правило, настроены по отношению друг к другу крайне враждебно, что исключает возможность конструктивного диалога на условии паритета [8, с. 26].

Во-вторых, существенным барьером является нормативно закрепленная пассивность фигуры медиатора. В соответствии со статьей 11 профильного федерального закона медиатор не вправе вносить свои предложения об урегулировании спора без обоюдного согласия сторон [3]. На практике это приводит к тому, что в условиях жесткого противостояния сторон медиатор лишается возможности предложить юридически грамотный компромисс, сводя свою функцию к роли коммуникативного посредника или психолога, ищущего неюридические причины спора [10, с. 142]. Для лиц, ищущих конкретного правового решения своей проблемы, такая процессуальная пассивность посредника делает саму процедуру бессмысленной.

В-третьих, необходимо отметить высокий размер финансовых издержек. Услуги профессионального медиатора осуществляются на возмездной основе и зачастую требуют значительных затрат. В ситуации, когда граждане уже несут бремя уплаты государственной пошлины и расходов на представителей, перспектива дополнительных финансовых потерь за процедуру, не гарантирующую вынесение итогового акта (в отличие от судебного решения), выглядит экономически нецелесообразной. Наконец, профильное законодательство о медиации носит рамочный характер и не содержит серьезных процессуальных стимулов (например, обязательных досудебных категорий дел) для обращения к профессиональным посредникам, предоставляя все исключительно на усмотрение сторон.

Осознавая стагнацию классической медиации, российский законодатель внедрил в процессуальную ткань процедуру судебного примирения, которая призвана стать более авторитетной альтернативой. Ключевое отличие данного механизма заключается в субъектном составе: статус судебного примирителя могут получить исключительно судьи, пребывающие в отставке, список которых утверждается Пленумом Верховного Суда РФ.

Такое решение представляется весьма удачным с точки зрения повышения доверия граждан к процессу примирения, поскольку помощь оказывает лицо, обладающее безупречной квалификацией и многолетней судейской практикой.

Кроме того, законодатель наделил судебного примирителя значительно более широким объемом процессуальных полномочий по сравнению с классическим медиатором. В соответствии с положениями Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2019 года № 41, утверждающего Регламент проведения судебного примирения [5], судебный примиритель наделен правом консультировать стороны, давать рекомендации в целях скорейшего урегулирования спора, а также предлагать различные варианты завершения конфликта, оценивая их как оптимальные, удовлетворительные или нежелательные. Важным преимуществом выступает и финансовая сторона вопроса: для спорящих сторон данная процедура осуществляется безвозмездно, поскольку труд судебных примирителей оплачивается за счет средств федерального бюджета.

Вместе с тем наделение судебного примирителя активными функциями по разъяснению законодательства и оценке перспектив дела порождает доктринальные и практические риски. Судебный примиритель, моделируя возможные исходы разрешения спора, неизбежно привносит элемент субъективизма. Его оценка может существенно расходиться с позицией представителей сторон или потенциальным решением действующего судьи [9, с. 384]. Возникает тонкая грань между содействием примирению и оказанием давления на сторону путем констатации «нежелательности» ее позиции. Это расширение полномочий ставит под угрозу базовый принцип нейтральности, традиционно присущий примирительным процедурам, и сближает судебное примирение с необязывающим арбитражем.

Особая роль в рамках рассматриваемого института отведена действующему судье, рассматривающему дело. Судья обязан создать необходимые условия для примирения, объявлять перерывы, откладывать судебное разбирательство и разъяснять сторонам экономические и организационные преимущества заключения мирового соглашения [2]. При этом суд должен неукоснительно соблюдать баланс между активным менеджментом процесса и сохранением статуса независимого арбитра, не допуская навязывания процедуры, что требует высочайшего уровня профессионализма и психологического такта.

Модернизация национального законодательства невозможна без рецепции успешного зарубежного опыта, адаптированного под отечественные правовые реалии. Западноевропейская правовая традиция демонстрирует высокую степень интеграции примирительных процедур в гражданский процесс [7, с. 232]. Так, гражданское процессуальное уложение Германии предусматривает институт так называемого судьи-медиатора, который не обладает полномочиями по разрешению спора по существу, однако активно использует техники медиации в рамках судебного заседания [6, с. 54]. Во Франции исторически укоренилась модель мирового судьи, а современная процессуальная доктрина активно сочетает принцип диспозитивности с властным предписанием суда пройти процедуру медиации в отдельных случаях.

Анализ зарубежных практик подтверждает, что эффективность альтернативных процедур резко возрастает при внедрении элементов мягкого процессуального принуждения. В связи с этим представляется целесообразным закрепить в ГПК РФ перечень категорий дел, при рассмотрении которых обращение к примирительной процедуре будет являться обязательным условием для принятия искового заявления к производству. В частности, это касается брачно-семейных споров (в вопросах раздела имущества, определения порядка общения с детьми) и потребительских споров с небольшой ценой иска. В целях исключения необоснованного субъективизма, квалификация дела как подлежащего обязательной

досудебной медиации может осуществляться судьей на этапе принятия заявления [11, с. 154]. Данная мера позволит отсеять значительную долю эмоционально заряженных деликтов, не представляющих сложной правовой проблемы.

Параллельно необходимо развивать экономические методы стимулирования. К числу действенных процессуальных механизмов следует отнести расширение правил о распределении судебных расходов: возложение расходов на сторону, бесосновательно уклонившуюся от предложенной примирительной процедуры или действовавшую недобросовестно в ходе переговоров. Для популяризации медиации целесообразно рассмотреть на законодательном уровне систему налоговых льгот для организаций, профессионально осуществляющих деятельность по обеспечению примирительных процедур, а также частичное субсидирование стоимости услуг медиаторов для социально незащищенных слоев населения за счет региональных бюджетов [9, с. 383].

Доктринальная концепция развития требует перехода от фрагментарного правового регулирования к единой систематизированной форме. Оправданным шагом видится разработка и принятие консолидированного нормативного акта или отдельного процессуального кодифицированного раздела, который бы унифицировал понятийный аппарат примирительных процедур в гражданском, арбитражном и административном судопроизводствах, устранил противоречия в статусах медиатора и судебного примирителя и закрепил четкие гарантии исполнимости достигнутых компромиссных актов.

Резюмируя проведенное исследование, следует констатировать, что концепция интеграции примирительных процедур в структуру гражданского процесса выступает передовым вектором развития современного права. Переход от парадигмы состязательного противоборства сторон к партисипативной модели, основанной на консенсусе и поиске взаимовыгодных решений, является признаком зрелости гражданского общества и правовой системы.

Институт медиации, несмотря на его очевидный гуманистический потенциал, столкнулся с непреодолимыми противоречиями, заключающимися в отсутствии стимулов для граждан и ограничении профессиональных функций посредников. Возникший в качестве ответа на эти вызовы институт судебного примирения обладает колоссальным перспективным значением за счет привлечения авторитетного судейского корпуса и обеспечения бесплатности процедуры. Однако его реализация требует филигранной настройки процессуальных норм во избежание нивелирования принципа нейтральности.

Только посредством комплексного реформирования, сочетающего в себе точечное введение обязательного досудебного примирения для отдельных категорий дел, экономическое стимулирование услуг независимых медиаторов и широкую просветительскую кампанию в рамках юридического сообщества, возможно преодолеть глубоко укоренившиеся правовые стереотипы. Динамичное развитие «компромиссной культуры» позволит не только решить утилитарную задачу разгрузки государственного судебного аппарата, но и обеспечит повышение качества восстановления нарушенных прав, гарантировав долгосрочную стабильность и предсказуемость гражданского оборота в Российской Федерации.

Список литературы:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
3. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.

4. Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 49. Ст. 7523.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 1.
6. Герасимова С.И. Судебные примирительные процедуры в Германии, Франции и России // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 8. С. 53-58.
7. Давыденко Д.Л. Примирительные процедуры в европейской правовой традиции. М.: Инфотропик Медиа, 2013. 232 с.
8. Жуйков В.М. Роль суда в примирении сторон по гражданским делам // Российский судья. 2019. № 9. С. 24-30.
9. Пеленицына М.В., Бекирова А.Т. Основные проблемы развития и пути разрешения примирительных процедур в российском гражданском и арбитражном процессах // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9 (75). № 3. С. 382-387.
10. Перевышин Н.В. Необязывающий арбитраж при урегулировании семейно-правовых споров // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 7-1. С. 140-145.
11. Потапов Д.В., Потапова Л.В. Концепция развития примирительных процедур в российском законодательстве // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 3 (117). С. 153-155.

